

РОССИЙСКОЕ ПЬЯНСТВО: СЛИШКОМ ПОЗДНО ДЛЯ ЭКСТРЕННЫХ МЕР

Кузнецов А.Е.

Алкогольное потребление в России впервые демонстрирует тенденцию к стабилизации нормы питья и ослаблению водочной специализации. Это дает основания ожидать в будущем формирования потребительского выбора, более ориентированного на качество, а не количество, – и снижения нормы. Опыт винных стран Европы и влияние общеевропейской тенденции гомогенизации паттернов питья свидетельствуют о доступности такой альтернативы. Значительное снижение нормы потребления в винных странах достигнуто в условиях минимального государственного регулирования. Приведены данные опроса (n=904) для аргументации способности российского потребления к саморегулированию. Данные свидетельствуют о слабой поддержке правительственных мер ограничения доступа к алкоголю, о ценности сохранения свободы потребительского выбора. Указывается на опасность ужесточения ограничительных мер, которые могут вернуть Россию к очередному циклу алкоголизации по традиционному северному типу. Широкий сегмент нелегального рынка, прогрессирующая в прошлом водочная специализация и традиция крупных покупок объясняются опытом жизни в условиях дефицитов, антиалкогольных кампаний и традиционной культуры религиозных и секулярных воздержаний. Необходимыми условиями сохранения особого культурного статуса алкоголя являются узость средств компенсаторного поведения и низкая ценность здоровья. Более активное привлечение учащихся к спорту и эмансипация инвалидов – важные меры развития самосохранительного поведения молодежи.

Ключевые слова: алкоголизация; алкогольное поведение; государственное регулирование условий продажи алкогольной продукции.

RUSSIAN DRINKING: TOO LATE FOR EMERGENCY MEASURES

Kuznetsov A.E.

Russian drinking for the first time demonstrates weakening of specialization in spirits drinking and stabilization of amount drunk. This suggests expectations of drinking qualitative turn, i.e. to consumer's choice oriented to quality of drinking rather than to quantity, and further to lessening the drinking norm. Experience of wine-drinking countries of Europe and influence of pan-European homogenization of patterns of drinking, favor such a perspective. The marked decrease of drinking norm in wine-drinking countries was achieved with the minimal state intervention. Survey data (n=904) is provided to corroborate the claim that Russian drinking is able to self-regulate. The data witness weak support for government's measures taken to restrict access to beverages sale in terms of age, time, place, and price; customers are likely to value freedom of choice unbridled. Governmental pursuance of simplistic access-and-pricing restrictive policies recently undertaken, may force Russian drinking back to another cycle of alcoholisation within the old 'northern' model. Bootlegging expansion, formerly progressive specialization in spirits drinking, habit of making gross purchases in population are explained by former experiences of coping with deficits, dry campaigns, and traditional culture of religious and secular abstinences. Scarcity of modes of compensatory behaviors and low concern for health also back up the special cultural status of alcohol. Government should seek for positive measures, viz. wider sporting involvement for students and inclusion for disabled to revive the nation's regard for health and awareness of health-related risks.

Keywords: alcoholization; alcoholic behavior; governmental regulation of alcoholic beverages sales.

Введение

Настоящая публикация представляет попытку осмысления результатов эмпирического исследования алкоголизации населения Пермского края. Рассматриваются следующие вопросы:

1. Способна ли российская модель алкопотребления к *саморегулированию* либо подвержена только внешнему, ограничительному воздействию?
2. Является ли эта модель результатом спонтанного развития либо прежних антиалкогольных кампаний?

Ответ на второй вопрос представляется очевидным: введение ограничительных и даже запретительных («сухих») мер имело место и свой эффект. Однако *сдерживал* ли этот эффект движение россиян к модели алкогольного сверхпотребления, либо *подталкивал* их к ней? Мы полагаем, что те физиологически и социально опасные масштабы алкоголизации, которых достигла Россия, (1) являются результатом прошлых попыток мгновенного отрезвления нации, что (2) возможности принуждения к трезвости исчерпаны и (3) саморегулирование было и остается определяющим и относительно независимым фактором развития модели. Говоря другими словами, контекст имеет значение, но российская культура питья реагирует на технические и политические элементы этого контекста, *руководствуясь своей внутренней логикой*. Так открытие водки, усовершенствование самогонного аппарата, расширение выбора сырья для домашнего и подпольного перегона (технический фактор) стимулировали «утяжеление» пьянства. Тот же эффект имели «сухие» кампании (фактор политический). Однако, напротив, период 1990-х – 2000-х гг., когда нация поставила новый рекорд (водочной) алкоголизации, цены (водочные) снижались относительно остального набора продуктов, а продажа алкоголя даже официально практически не регулировалась [18] – именно этот период завершился тремя историческими событиями в алкогольной жизни России. (1) Нация перестала наращивать норму употребления в спиртовом выражении – по данным за 2000 – 2005 гг. ВОЗ ООН присвоила российской норме питья статус «стабильный» [24]. (2) Изменилась структура набора напитков. Наметилось замещение «во-

дочной» модели «пивной» [24], а также (3) некоторое снижение уровня алкогольной заболеваемости (видимо, связанное с замещением напитков) – события, зафиксированные статистикой и опросами [5]. По-видимому, средний российский потребитель сделал выбор не в пользу традиционной ценности достижения максимального опьянения за минимальные время и цену.

Решение вмешаться в ситуацию правительство приняло уже после этих событий. Исторически оно оказывало поддержку именно водочной промышленности – косвенно, дискриминационным акцизным обложением пива и вин, и непосредственно – предоставлением налоговых льгот [18]. Усиление водочной специализации российского рынка происходило и непреднамеренно – например, в результате кампании 1985 г.

Итак, алкогольное поведение (его норма и структура) демонстрирует тенденции скорее противоположные целям внешнего регулирования. Следовательно, это поведение может определяться более весомыми, внутренними факторами. Некоторые наблюдения эмпирического исследования алкоголизации населения в Пермском крае, проведенного Пермским центром социального партнерства и социологических исследований ПГНИУ, могут свидетельствовать в пользу нашего предположения.

Материалы и методы

Методом анкетирования летом 2012 г. проведен опрос в 20 административных образованиях Пермского края, в поселениях разного типа, с разными социально-экономическими характеристиками. Выборка квотная: 904 жителя края в возрасте 18 – 70 лет, 425 мужчин и 479 женщин, 38,7% респондентов со средним общим образованием, 44,1% – начальным или средним специальным, 17,2% – высшим. Квоты по полу, возрасту и образованию основаны на краевых данных всероссийской переписи 2010 г.

Вопросник включал 34 вопроса, посвященных описанию интенсивности (частоты и количества) употребления алкогольных напитков, выбора напитка и социального контекста питья, мотивации и последствий употребления, отно-

шения к антиалкогольной политике, материального положения, удовлетворенности жизнью и социально-демографических характеристик респондентов.

Результаты

В тяжело пьющем регионе тяжело пьющее население практически отсутствует. Такой результат не является ни новым, ни неожиданным. Данные опросов представляют уровень потребления с занижением от 30 до 70 % [21]. Поэтому в мировой практике мониторинга объем алкопотребления оценивается по объему продаж. В то же время нет оснований считать, что занижение норм потребления в нашем исследовании имеет катастрофические последствия для качества данных. Показательно, например, что всего 15% оказались абстинентами (не пьющими в течение последних 12 месяцев), что значительно меньше общероссийского уровня, стабильного около 40% [24]. Занижение степени алкоголизации является частью алкогольного поведения и, следует полагать, также представляет нормальное распределение и определяется тем же набором факторов. В целом, доля употребляющих не занижена, однако интенсивность алкогольного потребления внутри этой группы существенно скорректирована. Коррекция приблизила ответы пьющих к ответам непьющих – респонденты хорошо осведомлены о социально одобряемом облике малопьющего россиянина.

Параметрические тесты данных показали наличие значимых, но слабых связей в основной группе эмпирических индикаторов алкоголизации (употребления, установок, статусов и пр.). Особенно показательным это наблюдение представляется в случае наиболее значимого признака «употребление – абстиненция»: в частности, алкогольные установки (отношение к здоровью, алкоголю, регулированию употребления) в подвыборках пьющих и воздерживающихся различаются, но незначительно.

Обсуждение результатов

Предлагаемое далее объяснение результатов излагает идеи для дальнейшей проверки и дискуссии – по вопросам:

1. Поддерживают ли респонденты меры антиалкогольной политики?

2. Считают ли алкогольную ситуацию *в своем контексте* угрожающей?

3. Восприимчивы ли к посторонней помощи в своей алкогольной ситуации либо полагаются на способность регулировать свое потребление?

Респонденты в массе своей пьют 1-2 раза в неделю, месяц, год, и умеренными дозами. Те же респонденты ценят возможность круглосуточного доступа к алкогольному прилавку, что служит надежным признаком неумеренности питья (Таблица 1). Прочие антиалкогольные меры получили более существенную поддержку.

Таблица 1

В последние годы в России обсуждаются и принимаются различные меры по регулированию рекламы и продажи алкогольной продукции, как Вы считаете, введение таких мер необходимо или в нем нет необходимости?

(n=904)

Меры регулирования	Необходимо	Нет необходимости
Ужесточение наказания за продажу алкоголя несовершеннолетним	94,1	5,9
Ограничение рекламы алкоголя по телевидению	85,6	14,4
Запрет на употребление алкогольных напитков в общественных местах	83,8	16,2
Ограничение времени продажи алкоголя (с 8.00 до 23.00)	69,7	30,3

Поддержку респондентов получила и официальная оценка масштабов алкоголизации нации. От 61 до 67 %% считают, что эта проблема «Очень актуальна» для России, края и населенного пункта, 25 – 30 %% «Достаточно актуальна», лишь 1,2 – 2,8 %% ответили «Неактуальна». На вопрос «Как Вам кажется, за последние два-три года там, где Вы живете, люди стали пить алко-

голь...» ответили «Меньше» 5,4%, «Столько же» 40,2 %, «Больше» 40,2 %. Затруднились ответить 14,3 %. Итак, пермские респонденты демонстрируют, по меньшей мере, осведомленность о проблеме.

Такова оценка степени алкоголизации сообщества. В ответах об опыте *собственной алкоголизации* (понимая под ней приобщение к употреблению алкоголя с разными качественными и количественными последствиями и проявлениями) респонденты отрицали ситуации, свидетельствующие об *утрате контроля* над употреблением алкоголя (запой, опохмеление, замечания окружающих), и подтверждали ситуации *сохранения контроля* (оценка меры выпитого и постыдности поведения) (Таблица 2).

Таблица 2

Случались ли в вашей жизни следующие ситуации? (n=903)

	Никогда	Бывало, но очень редко	Периодически
Когда Вы находились в состоянии опьянения несколько дней подряд	72,1	22,9	5,0
Когда Вы утром выпивали алкоголь, чтобы успокоить нервы или избавиться от похмелья	70,9	22,5	6,7
Когда окружающие Вам говорили, что Вам следует меньше выпивать	68,8	21,8	9,4
Когда Вы выпивали алкоголь в одиночку	65,7	27,8	6,4
Когда Вы чувствовали, что Вам необходимо сократить количество выпиваемого алкоголя	54,7	29,9	15,4
Когда в нетрезвом состоянии Вы совершали поступки, за которые впоследствии Вам было стыдно	45,2	46,8	8,0

Два вопроса исследовали установки респондентов в отношении питья и алкоголя как значимого культурного объекта. Для оценки предложены 16 суж-

дений разной степени манипулятивности. Приведем анализ суждений, касающихся *мотивации* употребления (Таблица 3). В четвертом столбце приведена упрощенная оценка, индекс поддержки суждений – средняя разница положительных и отрицательных ответов, при этом ответы «Полностью (не) согласен» имели вес 2, ответы «Скорее (не) согласен» – 1. Доля нейтральных ответов (столбец 3) склонна расти вместе с индексом. Вероятно, чем выше оценка по обоим показателям, тем менее манипулятивен ответ, и тем ближе он к действительной установке отвечающего.

Таблица 3.

Насколько Вы согласны или не согласны со следующими суждениями?

	Код аргумента	Оценка	
		% ответивших «Отчасти согласен»,	Степень поддержки или отрицания (-) суждения
Слабоалкогольные напитки (например, пиво, коктейли) можно употреблять без вреда для здоровья	-	17,5	-1,3
Я считаю, достаточным поводом, чтобы выпить, когда это помогает в делах, на работе	«Помощь в делах»	17,8	-1,2
Я считаю, достаточным поводом, чтобы выпить, когда у человека неприятности на работе (учебе), в семье	«Стресс» «Семья» «Работа»	18,8	-1,2
Сейчас жизнь настолько напряженная, что алкоголь просто необходим чтобы снять стресс, расслабиться	«Стресс»	29,1	-0,92
Я считаю, что можно выпить без особого	«Компа-	25,7	-0,88

повода, просто за компанию *	ния»		
Я считаю, достаточным поводом, чтобы выпить, когда человек устал, у него плохое настроение, "шалют нервы"	«Стресс»	26,0	-0,88
Я считаю, достаточным поводом, чтобы выпить, когда у человека случилось несчастье, горе	«Стресс»	26,3	-0,74
Умеренная доза алкоголя дает заряд энергии, облегчает общение между людьми	«Компания»	33,0	-0,03
Я считаю, достаточным поводом, чтобы выпить, когда у человека праздник, особое событие	«Праздник»	30,8	0,6

Таким образом, респонденты при регулировании собственного употребления полагаются на аргументы (1) *причины*, а не *повода* выпить, (2) коллективной санкции, а не собственного произвола. (3) Алкоголь – атрибут ритуала (общения или переживания), а не элемент развлечения или рядового потребления. Он связан с *необходимостью* пить, а не с *возможностью*. В число значимых «причин» вполне объяснимо входит коллектив, «компания». Представление о «празднике», «компании», «горе» и «стрессе» как внешних мотиваторах питья поддерживает облик социализированного, добропорядочного потребителя, который не несет ответственности за собственное пьянство или болезнь.

Тот же смысл имеют популярные *теории* экстремальной алкоголизации России – объясняющие ее тяжелыми климатическими и социальными условиями, обычаями или государственным спаиванием [2, с.74, 76]. Эти концепции, однако, не объясняют *специфики* «северной» модели – периодических и обильных возлияний, нацеленных на достижение глубокого, тяжелого опьянения. Ритуалистическая теория является тавтологией: алкоголизация населения объяс-

няется питейными ритуалами, а алкоголь в ритуалах – пристрастиями населения. Концепция «царского спаивания» противоречит фактам. Устойчивый рост алкопотребления в СССР начался только после 1950 г. [18] в связи с ростом доходов населения.

Цена – сдерживающий фактор спроса в странах с опасными уровнями алкоголизации. Рост доходов населения в Великобритании обусловил рост потребления алкоголя на 50 % с 1960 г. [7]. Связь употребления алкоголя с ростом уровня доходов зафиксирована и в России [12]. Однако эффект цены в России более явно проявил себя в специфически уродливой форме – колоссальном уровне спроса и предложения подпольно произведенных и фальсифицированных напитков, либо непищевых спиртосодержащих жидкостей. В сегменте крепких спиртных напитков доля нелегального производства-потребления в 1998 г. составляла 64 % [18]. Для СССР эта цифра оценивалась в 50% [16]. Поскольку нелегальный рынок основывается, по существу, на сговоре продавца и потребителя, само его существование является свидетельством и формой реализации саморегуляции алкогольного потребления.

О том же говорят и данные опроса. Внешне присоединяясь к публичной озабоченности проблемой, занижая степень собственного пристрастия к алкоголю, подчеркивая свою способность регулировать питье – респонденты, на наш взгляд, сигнализируют о стремлении сохранить свободу обращения к популярному средству релаксации. Они считают это сферой собственной частной жизни, областью собственного выбора, не подлежащей внешним ограничениям.

История отношений регулятора и потребителя по поводу доступа к алкоголю есть история борьбы, в которой победил последний. Сверхпотребление алкоголя, водочная специализация и обширный нелегальный сегмент рынка – памятники этой победы. В XX в. объемы выпиваемого Россией алкоголя неуклонно росли за исключением 4 кратковременных спадов – в периоды мировых войн, в 1985-86 и 1996-98 гг. [18] В последнем случае, по-видимому, имело место уклонение легальных производителей от уплаты акцизов, а не потребителей – от питья. В пользу такого объяснения свидетельствуют: (1) низкие

уровни заявленной загрузки (3-15%) мощностей заводов официальных производителей, (2) одновременное строительство новых заводов (рост числа заводов с 373 до 830 между 1995 и 1998 г.), (3) рекордное снижение налоговых поступлений (до 2 % госбюджета) и (4) отсутствие должного контроля над производством и торговлей [18]. Снижение статистики алкогольных отравлений в этот период также может отражать поступление в продажу нелегальной продукции нормального качества (т.н. «водки третьей смены»).

Итак, за весь период с принятия первого «сухого закона» в 1914 г. снижение объемов употребления алкоголя достигалось: (1) только кратковременно и (2) только путем сокращения производства и снижения доступности сырья вследствие запретов, военного и перестроечного дефицитов. Страна пила меньше не потому, что пить было нельзя, а потому что пить было нечего. Это снижение имело место и без «сухого закона» в 1940-х гг. в СССР, и в других странах в военные периоды. Во всех случаях производство и потребление восстанавливались в расширенных масштабах.

Однако российское пьянство укреплялось не только количественно. Последняя «сухая» кампания 1985-7 гг. спровоцировала расширение водочного потребления за счет «винной» и «пивной» доли [10; 24]. Усиление «водочной» специализации ожидаемо. Крепкие напитки дешевле производятся, легче фальсифицируются, хранятся, скрываются и ввозятся контрабандно, они имеют наиболее лояльного потребителя. Поэтому бутлегерство традиционно специализировано в сегменте *крепких* напитков (а это одновременно специфика *всего* отечественного рынка). Законодательные меры ухудшают положение только легального поставщика и легального потребителя. Если покупатель желает приобретать алкоголь по низким ценам, в любом возрасте, месте и времени суток, ужесточение условий продажи по этим критериям приведет его к нелегальной продукции, и этой продукцией будет чаще всего водка. Легальный производитель и продавец принуждаются к конкуренции в том же сегменте. Легальный рынок будет стремиться воспроизвести структуру нелегального, т.е. специализироваться на производстве и потреблении крепких алкогольных

напитков, прежде всего – водки. Нелегальная бутылка может продаваться в легальном магазине и поставляться легальным производителем.

Прямолинейные попытки мгновенно отрезвить нацию оказали разрушительное влияние на культуру потребления. Антиалкогольные кампании, вероятно, более всего стимулировали освоение самогонварения, суррогатов, подпольного пьянства, покупательских очередей и драк, создание домашних запасов алкоголя – столь характерных проявлений общественной значимости алкоголя и укрепления его культурного статуса.

Противоположная ситуация сложилась в южной, «винной» части Европы. Это единственный регион, добившийся устойчивого и значительного снижения уровня потребления алкоголя. В условиях минимального вмешательства регулятора постепенно произошло смещение потребления от низкокачественных столовых вин к более дорогим и качественным. Наряду с общим снижением объема потребления в 2 и более раз это привело к снижению статистики смертей, связанных с заболеваниями печени в 2,5 раза в средиземноморских странах и Португалии [8; 15]. Винная отрасль отреагировала на снижение спроса и рост требований к качеству дальнейшим повышением качества и цен. Эта «ситуация качества» (по определению авторов), сложившаяся во Франции и Италии, является полной противоположностью «политике количества», проводимой алкогольными супермаркетами в странах, где потребление алкоголя чувствительно к ценам, а не к качеству.

К низкой норме питья южная Европа пришла через крайне высокие уровни алкопотребления [14]. Сохранилась традиционно высокая частота употребления, а число пьющих даже выросло [8]. Послевоенный рост нормы имел место и в этом регионе (эффект военного дефицита). Но культура питья, не травмированная ни сверхзначимостью алкоголя, ни искусственными ограничениями доступа к нему, вернулась к сокращению нормы уже в 1960 – 1970-х гг. Мы полагаем, качественный поворот в алкогольном поведении может произойти в будущем и в нашей стране. Россия более не является изолированным сегментом европейского алкогольного пространства. Указанная выше тенденция измене-

ния выбора напитка в России, вероятно, является частью общеевропейской тенденции т.н. «гомогенизации питания» - выравнивания, усреднения набора предпочитаемых алкогольных напитков [9; 22]. Однако гомогенизация характеризует выравнивание структуры потребления по напиткам и не касается количества или *нормы* питания. Одни страны вошли в тенденцию гомогенизации с низкой и снижающейся нормой (юг Европы), другие со средней и растущей (остальные части Европы), третьи (Россия) – со сверхвысокой стабильной нормой [24]. Опыт алкогольного регулирования в России заимствуется, однако, у той части Европы, где алкогольная ситуация медленно ухудшается при активных ограничительных мерах, принимаемых государством [25]. (В статистике эта алкоголизация скрыта за картиной «стабильного» уровня потребления: во-первых, при медленно растущей взрослой мужской абстиненции все больше пьют подростки и женщины, во-вторых, все более популярным становится курортное пьянство северян.) В пределах Европы введение этих мер не понизило уровень алкогольного потребления либо имело место, когда это снижение уже состоялось [8].

Россия относится к странам, где вводятся минимальные цены на алкогольные напитки. Если поведение потребителя и политика продавца ориентируются на ценовой фактор ограничения/поощрения потребления, имеет значение организация рынка алкоголя. Исследование Gual A. и Colom J. показало, что замещение вин другими напитками в Испании было отчасти результатом присутствия на рынке *крупных производителей* замещающих напитков и раздробленностью винодельной отрасли. Это – общая черта европейского рынка алкоголя, и российского в том числе. С другой стороны, Jewell J. и Sheron N. показали, что характерной чертой «количественной» маркетинговой политики *крупных производителей и торговцев* является стимулирование спроса посредством агрессивного предложения укрупненных партий алкоголя по скидкам. Распродажи организуются постоянно и ориентируются на потребителей с разными вкусами. В итоге повышение базового уровня цен нацелено лишь на укрупнение покупок, которые на самом деле совершаются по сниженным «рас-

продажным» ценам. Итоговый эффект государственной ценовой политики, с одной стороны, и ценового маркетинга продавцов – на руках у легального покупателя оказываются укрупненные порции алкоголя, приобретаемые и потребляемые нерегулярно. Торговцы обходят ценовой барьер, а целевой группой такой стратегии, по-видимому, является молодежь. Из 35 европейских стран только в двух запрещена продажа алкогольных напитков с дисконтом за объем покупки – в Финляндии и Швеции [25]. Вероятно, даже южные страны, снизившие норму потребления, оказываются сегодня перед опасностью пивной алкоголизации по северному типу в результате маркетинговой и культурной экспансии традиций молодежных попок из Центральной и Северной Европы [9; 14; 19; 20].

Итак, введенные в России меры ограничения доступности алкоголя не гарантируют улучшения алкогольной ситуации и не исключают ее ухудшения. Они недостаточны, и российский законодатель может перейти к более жестким ограничительным, а затем – и к «сухим» запретительным мерам. Наиболее вероятный результат – повторение опыта прежних антиалкогольных кампаний – новый цикл алкоголизации, теперь уже более «пивной», более «молодой» и более «женской». Это ужесточение, по-видимому, уже запущено в части поэтапного повышения цен на некоторые категории напитков. Регулятор исторически склонен воздействовать на *доступ* к питию, а не *культуру* пития, на спину, а не сознание, наказаниями и ограничениями, а не воспитанием и образованием. Дефекты регулирования (не только алкогольного рынка) часто рассматриваются в русле *ужесточения* мер, а не расширения их *репертуара*. Российский законодатель может действовать экстренно, спонтанно и радикально.

Нация *больна* алкоголизмом и нуждается в средствах, более похожих на помощь. Социальная реклама и доктрина антиалкогольной политики обращены к ценности здоровья. Опрос показал, что россияне невысоко ценят свое здоровье (Таблица 4).

Таблица 4

Какое из суждений лучше всего характеризует ваше отношение к здоровью? (n=904)

	Процент
1. Здоровье - самое главное в жизни, важные решения должны приниматься так, чтобы не навредить здоровью	35,0
2. Здоровье, конечно, важно, но иногда можно забыть об этом ради дополнительного заработка, развлечений и т.д.	29,9
3. Здоровье важно для меня наряду с работой отдыхом, учебой, развлечениями	23,0
4. Даже если это вредит здоровью, предпочитаю жить с риском, острыми ощущениями	3,4
5. Я хочу жить так, как мне нравится, ни в чем себя не ограничивая	8,6
ИТОГО	100,0

Здоровье оказалось ниже или не выше, чем другие ценности в 65 % случаев. Очевидно, респонденты не вполне осознают, что состояние здоровья определяет возможности человека работать, учиться, развлекаться и испытывать острые ощущения.

Итак, пермяки осведомлены об опасности любых доз и концентраций алкоголя, но они не ценят свое здоровье и пьют много. Их поведение разрушительно, но рационально. Рациональность – прочная основа саморегуляции алкогольного поведения. Мы полагаем, что именно низкая значимость здоровья является важнейшим барьером реализации антиалкогольной политики России. Меры этой политики направлены на ограничение частоты и общего объема алкопотребления. Однако наиболее опасная северная модель питья основана именно на редкости питейных событий, компенсируемой обильностью разового возлияния.

Лучшему осознанию основ саморегуляции поведения послужит выделение и оценка эффекта факторов. Предположим, факторы различаются по силе

влияния на поведение, и чем более фундаментальным, неотъемлемым и нерегулируемым является сам фактор, тем большее регулятивное воздействие он оказывает на поведение. Парсонс предлагает различать объекты физические и (соответствующие им) культурные – «элементы культурной традиции или культурного наследия» – образцы поведения, воспроизводимые в группе [3, с.479, 466.]. Культурный объект – совокупность определений этой вещи: что думают и делают относительно алкоголя члены выпивающего либо абстинентного общества. Его содержание и само существование зависят от свойств и наличия физического объекта-субстрата. Понятия «праздник», «компания», «мера», «здоровье», «пристойность» и пр. вписаны в культурный объект. Алкогольная ситуация конструируется социально. Составляющие ее «культурные» определения менее стабильны, чем составляющие ее же физические объекты и их свойства.

Алкоголь обладает известными особенностями воздействия на психику. Она связана с биохимическими свойствами алкоголя как физического объекта, как вещи. Связь развития алкогольной зависимости, обжорства (binge eating) и компенсаторного поведения установлена эмпирически; эта связь обуславливается в том числе генетической предрасположенностью [17]. К категории компенсаторного поведения могут относиться также насилие, состязательные виды спорта, опасное вождение и прочие поведенческие эксцессы.

Определение состава средств компенсаторного поведения есть *социальное* определение. Чрезвычайно скудный набор способов релаксации при однообразной и наполненной стрессами жизни – заметная черта российской действительности. (Это, по-видимому, следствие экстренной урбанизации XX в., разрушившей традиционные практики солидарности; навязчивое, агрессивное «дружелюбие» - анекдотическая характеристика пьяного поведения.) Отсюда высокая нагрузка на те немногие наличные компенсаторные средства, которые доступны. Россияне прибегают к наиболее продуктивным, пассивным и наименее творческим способам релаксации. Ближайшим к алкоголю по скорости действия и разрушительности средством является употребление наркотиков [4; 18].

Ограничение доступности алкоголя, с одной стороны, повышает его ценность в глазах ограниченного потребителя. С другой стороны, ограничительное нормирование одной лишь *частоты* употребления алкоголя как *средства компенсации* требует увеличения разовой дозы. Воздействие на доступ к алкоголю – есть воздействие на один из немногих и потому нагруженный способ релаксации, питание. Это уже не имеет отношения к его вещной, имманентной релаксирующей способности. Воздействие оказывается на другой фактор – доступность. Произвольное ограничение доступности – культурное определение алкоголя, соотносящееся с его редкостью как физическим наличием. Поскольку популярные свойства алкоголя послужили значительному уменьшению его редкости, даже физическое наличие алкоголя – уже не вполне физическое свойство: алкоголь производится в промышленных масштабах, его атрибут «редкость» регулируется социально. Таким образом, фактор «релаксация» лежит «ниже» и определяет окультуренную редкость и все производные свойства объекта «алкоголь». Включение алкоголя в набор компенсаторных видов поведения, его связь с насилием и агрессией, праздником, горем, стрессами – все эти свойства соотносятся с базовым атрибутом «релаксации» и потому довлеют над любыми прочими культурными определениями; в т.ч. манипуляциями к доступу к алкоголю. Антиалкогольная политика должна действовать на уровне компенсаторного поведения и продвигать меры, способные конкурировать с алкоголем в способности служить средством релаксации и солидаризации.

Ограничительные меры не могут улучшить алкогольную ситуацию не только потому, что они недостаточны, но главным образом потому, что воздействуют они на фактор, который исторически стимулировал развитие именно наиболее опасной, северной модели алкоголизации. Этот фактор – редкость питательных событий. Аграрные общества полагались на естественные процессы брожения и зависели от сезонной доступности сырья. Север Европы был наиболее ограничен в выборе культур и урожаях. Приуроченность к праздникам (часто земледельческим) и редкость сырья закрепили привычку к т.н. «ку-

тежному» пьянству (binge drinking) – прочную связь пьянства, компании и праздника.

Удаленность от винодельческих районов и дороговизна винного импорта превратили алкоголь в объект с особым культурным статусом. Это продукт элитарного потребления, дипломатический подарок, признак состоятельности, часть социального пакета (в России в армии и флоте вплоть до XX в.) и даже денежная единица (там же). Впоследствии, с развитием торговых связей, ростом благосостояния и открытием перегонки, пьянство стало народным занятием. Однако в наиболее отсталом северо-восточном углу Европы тяжелое пьянство еще долго остается привилегией состоятельной, столичной жизни. Годовая норма спирта петербуржца в 1858 г. составляет 23,1 литра при 5-6 литрах общероссийской нормы [18]. Российское пьянство развивается в одном русле с североевропейским, но в более тяжелой форме.

Считается, что Россия – страна, исконно тяжело пьющая, и виновно в этом государство: цари спаивали народ ради пополнения казны. Такое впечатление составили иностранцы, описывавшие жизнь столиц и двора. Более наблюдательные (например, голландец К. де Бруин в «Путешествиях в Московию» 1701-1703 гг.) описывают политику царей как политику *запретов*. Отделение питейных заведений (кабаков) от прочих, разделение кабаков на пивные и водочные, запрет на продажу водки на путях и пускать пьяных в водочные кабаки – все это меры, направленные на *ограничительную организацию* питья. Проникновение в страну водки (не зависящей от сезонного сырья и потому обреченной на популярность) было неизбежно. Государственная монополия только установила контроль над торговлей алкоголем, ограничив нелегальный рынок. Поступления от питейных акцизов и «регалий» составляли до трети доходов государственного бюджета к 1913 г. [6, с.322, 329, 332.]. Алкогольная политика действительно руководствовалась фискальными интересами, а регулятор мог ошибаться в эффективности запретов. Однако норма потребления спирта к началу регистрации около 1863 г. составляла только 6 л, а затем под давлением высоких акцизных сборов снизилась до 2-3 л и держалась на этом уровне до

«сухого закона» 1914 г., сделав Россию малопьющей страной по меркам эпохи [18].

Подлинная масштабная алкоголизация страны начинается только в середине XX в. в условиях роста доходов и урбанизации. Практически все свидетельства русского кутежного пьянства описывают одно и то же событие – ритуальное восстание русских против Поста, накануне и после него: «Разгул и безумие русских в эти дни неописуемы, и кто не был дюжину раз пьян, тот, по их мнению, вовсе не благочестиво провел праздник» [1]. Сегодня религиозный пост заменен рядом периодических воздержаний в контексте семейных или профессиональных отношений (пост рабочей недели – наиболее распространенное из них). Вероятно, алкогольное поведение в северной модели питания организовано *циклически*, а указанная черта российской модели отражает это движение в цикле «воздержание – компенсация». Важнейшие события этого цикла происходят в *трезвой* фазе – здесь планируется питейное событие и создается запас алкоголя, угрожающий здоровью нации. Цикличность подчеркивает сложность алкогольного поведения. Исследование его в массовых опросах ограничено пределами сложности вопросника и требованиями к данным. Большая часть вопросов нашего исследования была посвящена описанию *количественной* стороны поведения (норме и напитку). Алкогольное *поведение* оказалось сведено к *потреблению*, что является неизбежным и вынужденным ограничением. Для описания поведения эксперты ВОЗ ООН используют «паттерн питания» и рейтинг стран (PDS – pattern of drinking score) [23]. Считается, что это качественная характеристика питания. Нам представляется, что это лишь более сложная и адекватная *количественная* мера, отражающая главным образом частоту и разовую дозу потребления. PDS не характеризует роль алкоголя в культуре и ритуалах праздника, солидаризации и переживания. Наше исследование только продемонстрировало связь питания с признаками «праздник», «компания» и «стресс», в полной мере содержание этой связи может быть вскрыто в рамках качественной методологии социологического исследования.

Важная черта, характерная для северной модели питья, – повышенная агрессивность северян при одинаковых с южанами степенях опьянения [13; 19]. Особенно явно эта черта проявляется в России. Связь пьянства и насильственного поведения (в т.ч. опасного вождения), вероятно, мотивировала внимание общества к проблеме алкоголизации. Однако эта связь не является причинно-следственной: состояние опьянения есть только *обстоятельство* проявления агрессии. Агрессия, как и любое другое выражение депривации, связано с социальным контролем [13] и доступными человеку средствами релаксации. Алкоголь и питье выступают антиподами современной «трезвой» культуре отчуждения, одиночества, обыденности и запретов.

Заключение

Россия – страна со сверхвысокой нормой алкогольного потребления. Она достигнута, несмотря на высокую долю абстинентов (что вообще характерно для тяжело пьющих стран). Это – вклад части населения, которая наиболее поражена алкогольной болезнью и, по-видимому, уже никогда не может быть полностью реабилитирована. Именно поэтому алкогольная ситуация определяется как крайне опасная – нация понесла невозполнимые потери. Но потому же меры антиалкогольной политики должны быть, в первую очередь, ориентированы на социальные группы, в отношении которых могут быть поставлены достижимые цели. Это, конечно, молодежь.

Антиалкогольная политика ограничена по мерам и перспективам: будучи сведена к негативным мерам – ограничениям и запретам – она не может доставить позитивных результатов. Склонность нации к алкоголизации, насилию и разрушительному эксцессивному поведению вообще – обусловлена именно крайней узостью набора приемлемых компенсационных видов поведения, средств разрядки. Занятие спортом относится к их числу.

Наше исследование обнаружило низкую ценность здоровья в сознании и жизни пермяков. Однако социальная реклама и пропаганда здорового образа жизни обращена именно к этой ценности. С другой стороны, реклама спорта сведена, главным образом, к демонстрационным мероприятиям: молодежь

наблюдает, как им занимается кто-то другой. Здесь следует обратить внимание на практику развитых стран в приобщении учащейся молодежи к занятию спортом (не физкультурой!) – в обязательном и даже принудительном порядке. Необходимо значительное расширение и интенсификация спортивной жизни школ и университетов.

Второе направление оздоровления нации – уравнивание возможностей активной социальной жизни для людей с дополнительными потребностями. Сохраняя барьеры активности «инвалидов», дистанцируясь, подвергая их изоляции, общество создает иллюзию собственного неубывающего здоровья, перестает осознавать ценность здоровья и опасность его безвозвратной утраты. Отношение к собственному и чужому здоровью и жизни, правам и собственности – частные проявления общественной морали и культуры варварства, безразличия и безответственности. В состоянии опьянения они лишь более явно проявляются. Наличная антиалкогольная политика России направлена только на обстоятельства. Самое опасное – то, что происходит с россиянами, когда они здоровы или, по крайней мере, трезвы.

«Эти попойки обычно сопровождаются ссорами, драками и убийствами... Некоторые из них, возвращаясь пьяными домой без сопровождения, засыпают в снегу и замерзают намертво. Если кто из знакомых случается проходить мимо, даже видя их на грани смерти, не помогут, боясь расследования, если те умрут у них на руках: ибо в земском приказе вымогают из кошелька каждого, кто падает в офис. Горько видеть дюжины насмерть замерзших, доставленных в санях, с руками и лицами, обглоданными собаками; от иных остались лишь кости. От двух до трех сотен доставляются таким образом за время Поста...» [11].

Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», проводимых в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2012 г. (проект № 6.4216.2011, рук. Е.Б. Плотникова).

Список литературы

1. Вебер Ф.Х. Преображенная Россия. 1721 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Veber_II/text1.phtml?id=1456 (дата обращения: 20.08.2013).
2. Заиграев Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России: пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. № 8. Август 2009. С. 74-84.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
4. Потребление алкоголя в России. Социологический анализ. М.: Институт социологии РАН, 2011. 102 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (дата обращения: 11.09.2013).
5. Рощина Я.М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России. URL: http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/1383220231865cc9e9174dce3b626c730aac0f6781/Vestnik_RLMS-HSE_2012_238.pdf (дата обращения: 03.09.2013).
6. Статистический ежегодник. Ч.2. Финансы, кредит. 1913. URL: http://istmat.info/files/uploads/15971/stat.eg_1913_gos_finamsi.pdf (дата обращения: 19.08.2013).
7. Academy of Medical Sciences. 2004. *Calling time: the nation's drinking as a major health issue*. <http://www.acmedsci.ac.uk/p48prid16.html> (accessed October 21, 2013).
8. Allamani A., Beccaria F., Voller F. *The puzzle of Italian drinking. Trends in alcohol consumption, harms and policy: Italy 1990–2010*. http://nordicwelfare.fi/PageFiles/4910/465_478_allaman.pdf (accessed December 01, 2013).
9. Anderson P., Baumberg B. *Alcohol in Europe*. London: Institute of Alcohol Studies, 2006. 439 p. http://ec.europa.eu/health/archive/ph_determinants/life_style/alcohol/documents/alcohol_europe_en.pdf (accessed November 30, 2013).

10. Colen L., Swinnen J. *Beer Drinking Nations. The Determinants of Global Beer Consumption - AAWE WORKING PAPER Economics*, no. 79. http://wine-economics.org/workingpapers/AAWE_WP79.pdf (accessed November 01, 2013).
11. Collins, Samuel. *The present state of Russia. In a letter to a friend at london; written by an eminent person residing at the great czars court at Mosco for the space of nine years*. London, 1671. 141 p. [Reprint from the first edition at Houghton Library, Harvard University. Introduced and edited by M. Poe. 2008]. http://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=history_pubs (accessed August 21, 2013).
12. Denisova I., Kartseva M. *Alcoholism and the Russian mortality crisis*. http://cdn.intechopen.com/pdfs/37303/InTech-Alcoholism_and_the_russian_mortality_crisis.pdf (accessed September 03, 2013).
13. Felson R.B., Savolainen J., Bjarnason T., Anderson A. L., Zohra I. T. *The cultural context of adolescent drinking and violence in 30 European countries*. <http://sociology.la.psu.edu/faculty-documents/30europeancountriesalcohol.pdf> (accessed September 11, 2013).
14. Gual A., Colom J. *Addiction*, 92 (1997). <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1046/j.1360-0443.92.3s1.8.x/pdf> (accessed October 21, 2013).
15. Jewell J., Sheron N. *Clinical Medicine* 10, no. 3 (2010): 259–63. <http://www.eurocare.org/content/download/11928/63338/file/Trends%20in%20European%20liver%20death%20rates.pdf> (accessed September 10, 2013).
16. McKee Martin. *Alcohol and alcoholism* 34, no.36 (1999). <http://alcalc.oxfordjournals.org/content/34/6/824.full.pdf+html> (accessed October 03, 2013).
17. Munn-Chernoff M.A., Duncan A.E., Grant J. D, Wade T.D., Agrawal A., Bucholz K.K., Madden P.A. F., Martin N.G., Heath A.C. *A twin study of alcohol dependence, binge eating, and compensatory behaviors*. http://www.jsad.com/jsad/downloadarticle/A_Twin_Study_of_Alcohol_Dependence

[_Binge_Eating_and_Compensatory_Behavior/5180.pdf](#) (accessed November 01, 2013).

18. Nemtsov Alexandr. *A contemporary history of alcohol in Russia*. Stockholm: Sodertorns hogskola, 2011. 346 p. <http://sh.diva-portal.org/smash/get/diva2:425342/FULLTEXT01.pdf> (accessed August 30, 2013).

19. Nævdal E., Shogren J.F. *Genetic variability, economic behavior and the formation of social norms: the case of European alcohol consumption*. <http://www.princeton.edu/wwseconpapers/papers/dp228.pdf> (accessed September 10, 2013).

20. OECD. 2011. *Health at a glance*. <http://www.oecd.org/els/health-systems/49105858.pdf> (accessed October 21, 2013).

21. Rehm J., Shield K.D., Rehm M. X., Gmel G., Frick U. *Alcohol consumption, alcohol dependence and attributable burden of disease in Europe: Potential gains from effective interventions for alcohol dependence*. http://amphoraproject.net/w2box/data/AMPHORA%20Reports/CAMH_Alcohol_Report_Europe_2012.pdf (accessed October 03, 2013).

22. *Trends in drinking patterns in fifteen European countries, 1950 to 2000. A collection of country reports by J.Simpura, T.Karlsson*. Helsinki: STAKES, 2001. <http://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/76977/ECAS.pdf> (accessed November 01, 2013).

23. WHO. 2011a. *Global status report on alcohol and health*. http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/msbgsruprofiles.pdf (accessed September 06, 2013).

24. WHO. 2011b. *Global status report on alcohol and health*. http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/msbgsreur.pdf (accessed September 06, 2013).

25. WHO. 2013. *Status Report on Alcohol and Health in 35 European Countries*. http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0017/190430/Status-Report-on-Alcohol-and-Health-in-35-European-Countries.pdf (accessed September 08, 2013).

References

1. Veber F.H. *Preobrazhennaja Rossija*. [Russia transformed]. http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Veber_II/text1.phtml?id=1456 (accessed August 20, 2013).
2. Zaigraev G.G. *Alkogolizm i p'janstvo v Rossii. puti vyhoda iz krizisnoj situacii* // Sociologicheskie issledovanija, no. 8 (2009): 74-84.
3. Parsons T. *O strukture social'nogo dejstvija* [The structure of social action]. 2nd ed. M.: Akademicheskij Proekt, 2002. 880 p.
4. *Potreblenie alkogolja v Rossii. Sociologicheskij analiz* [Alcohol consumption in Russia. A sociological analysis]. M.: Institut sociologii RAN, 2011. http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (accessed September 11, 2013).
5. Roshhina Ja.M. *Dinamika i struktura potreblenija alkogolja v sovremennoj Rossii* [The dynamics and structure of alcohol consumption in contemporary Russia]. http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/1383220231865cc9e9174dce3b626c730aac0f6781/Vestnik_RLMS-HSE_2012_238.pdf (accessed September 03, 2013).
6. *Statisticheskij ezhegodnik. Ch.2. Finansy, kredit. 1913*. [Statistical yearbook. Finances and loans for 1913]. http://istmat.info/files/uploads/15971/stat.eg_1913_gos_finamsi.pdf (accessed August 19, 2013).
7. Academy of Medical Sciences. 2004. *Calling time: the nation's drinking as a major health issue*. <http://www.acmedsci.ac.uk/p48prid16.html> (accessed October 21, 2013).
8. Allamani A., Beccaria F., Voller F. *The puzzle of Italian drinking. Trends in alcohol consumption, harms and policy: Italy 1990–2010*. http://nordicwelfare.fi/PageFiles/4910/465_478_allaman.pdf (accessed December 01, 2013).
9. Anderson P., Baumberg B. *Alcohol in Europe*. London: Institute of Alcohol Studies, 2006. 439 p. http://ec.europa.eu/health/archive/ph_determinants/life_style/alcohol/documents/alcohol_europe_en.pdf (accessed November 30, 2013).

10. Colen L., Swinnen J. *Beer Drinking Nations. The Determinants of Global Beer Consumption - AAWE WORKING PAPER Economics*, no. 79. http://wine-economics.org/workingpapers/AAWE_WP79.pdf (accessed November 01, 2013).

11. Collins, Samuel. *The present state of Russia. In a letter to a friend at london; written by an eminent person residing at the great czars court at Mosco for the space of nine years*. London, 1671. 141 p. [Reprint from the first edition at Houghton Library, Harvard University. Introduced and edited by M. Poe. 2008]. http://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=history_pubs (accessed August 21, 2013).

12. Denisova I., Kartseva M. *Alcoholism and the Russian mortality crisis*. http://cdn.intechopen.com/pdfs/37303/InTech-Alcoholism_and_the_russian_mortality_crisis.pdf (accessed September 03, 2013).

13. Felson R.B., Savolainen J., Bjarnason T., Anderson A. L., Zohra I. T. *The cultural context of adolescent drinking and violence in 30 European countries*. <http://sociology.la.psu.edu/faculty-documents/30europeancountriesalcohol.pdf> (accessed September 11, 2013).

14. Gual A., Colom J. *Addiction*, 92 (1997). <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1046/j.1360-0443.92.3s1.8.x/pdf> (accessed October 21, 2013).

15. Jewell J., Sheron N. *Clinical Medicine* 10, no. 3 (2010): 259–63. <http://www.eurocare.org/content/download/11928/63338/file/Trends%20in%20European%20liver%20death%20rates.pdf> (accessed September 10, 2013).

16. McKee Martin. *Alcohol and alcoholism* 34, no.36 (1999). <http://alcalc.oxfordjournals.org/content/34/6/824.full.pdf+html> (accessed October 03, 2013).

17. Munn-Chernoff M.A., Duncan A.E., Grant J. D, Wade T.D., Agrawal A., Bucholz K.K., Madden P.A. F., Martin N.G., Heath A.C. *A twin study of alcohol dependence, binge eating, and compensatory behaviors*. http://www.jsad.com/jsad/downloadarticle/A_Twin_Study_of_Alcohol_Dependence

[_Binge_Eating_and_Compensatory_Behavior/5180.pdf](#) (accessed November 01, 2013).

18. Nemtsov Alexandr. *A contemporary history of alcohol in Russia*. Stockholm: Sodertorns hogskola, 2011. 346 p. <http://sh.diva-portal.org/smash/get/diva2:425342/FULLTEXT01.pdf> (accessed August 30, 2013).

19. Nævdal E., Shogren J.F. *Genetic variability, economic behavior and the formation of social norms: the case of European alcohol consumption*. <http://www.princeton.edu/wwseconpapers/papers/dp228.pdf> (accessed September 10, 2013).

20. OECD. 2011. *Health at a glance*. <http://www.oecd.org/els/health-systems/49105858.pdf> (accessed October 21, 2013).

21. Rehm J., Shield K.D., Rehm M. X., Gmel G., Frick U. *Alcohol consumption, alcohol dependence and attributable burden of disease in Europe: Potential gains from effective interventions for alcohol dependence*. http://amphoraproject.net/w2box/data/AMPHORA%20Reports/CAMH_Alcohol_Report_Europe_2012.pdf (accessed October 03, 2013).

22. *Trends in drinking patterns in fifteen European countries, 1950 to 2000. A collection of country reports by J.Simpura, T.Karlsson*. Helsinki: STAKES, 2001. <http://www.julkari.fi/bitstream/handle/10024/76977/ECAS.pdf> (accessed November 01, 2013).

23. WHO. 2011a. *Global status report on alcohol and health*. http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/msbgsruprofiles.pdf (accessed September 06, 2013).

24. WHO. 2011b. *Global status report on alcohol and health*. http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/msbgsreureur.pdf (accessed September 06, 2013).

25. WHO. 2013. *Status Report on Alcohol and Health in 35 European Countries*. http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0017/190430/Status-Report-on-Alcohol-and-Health-in-35-European-Countries.pdf (accessed September 08, 2013).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Александр Евгеньевич, доцент кафедры социологии и политологии; к. соц. н.

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ул. Букирева, д.15, г.Пермь, Пермский край, 614990, Россия

e-mail: kzntsv@list.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 6325-0018

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Alexander Evgenjevich, assistant professor, PH.D. in Sociological Sciences

Perm State University

15, Bukirev street, Perm, 614990, Perm kraj, Russia

e-mail: kzntsv@list.ru

Рецензент:

Лебедева-Несевря Н.А., зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, к. соц. н., доцент, ФБУН «Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения»